

КНИЖНАЯ ПОЛКА

БУНИНЬ

Береть он слова самая простая, обыкновенная и говорить ими о самом простом, что есь видели, переживали, — но от каждой строки, от каждой фразы на меня едет ужасом: непонятно, отчего обыкновенное становится необыкновенным, почему слова не описывают, как происходило, а создают происшедшее; видишь его, слышишь, обоняешь; есе оно передь тобою, со всём недосказанным, непоказанным. Ни на одно мгновение не ослабывает, не блднеть сила словъ, выбираемых спокойно, твердо, убвенно, безошибочно съ точностью безупречного механизма.

Обыкновенному человеку непонятен великан; обыкновенным человеком организмы непонятны словами.

Только видеть, только слышать, только обонять, осязать, ощущать вкус; только сохранять обо всемъ этомъ неизмняющую память; только умть для есего этого выбрать самая содержательныя слова, и.. и что? И станешь Бунинь? Нтъ, не станешь. Потому что все это только великолпнйше инструменты; надо чтобы ихъ езялъ въ руки совершеннйшй мастеръ. Совершенный мастеръ и совершенные инструменты — вотъ это и есть Бунинь.

И когда доживает он до полной зрелости, познает есь тайны искусства, вооружится есьми орудиями, — тогда и появится «Жизнь Арсеньева», какъ появлялись крупнйшия произведения великой русской литературы.

«Какое-то тончайшее и чистйшее дыхание чуть серебрилось между землей и чистымъ звезднымъ небомъ...» — видели, чувствовали мы это, но не умели осознать, не еообразжали, что можно передать такими простыми, немногими, доступными и для насъ, забываемъ, какъ забываемъ всеъ мы, запомнить во всей полнотъ и навсегда.

Потомъ то, что вобралъ въ себя, возьметъ и вынетъ. Для этого изо всхъ словъ отберетъ именно ть, абсолютно вѣрныя. Всеъ видели подушки, на которыхъ лежатъ покойники, но только онъ сказалъ о новой, «жестко-бѣлой» подушкѣ и велѣлъ запомнить навсегда.

«Какое-то тончайшее и чистйшее дыхание чуть серебрилось между землей и чистымъ звезднымъ небомъ...» — видели, чувствовали мы это, но не умели осознать, не еообразжали, что можно передать такими простыми, немногими, доступными и для насъ, забываемъ, какъ забываемъ всеъ мы, запомнить во всей полнотъ и навсегда.

И когда доживает он до полной зрелости, познает есь тайны искусства, вооружится есьми орудиями, — тогда и появится «Жизнь Арсеньева», какъ появлялись крупнйшия произведения великой русской литературы.

Сергѣй Яблоновскій.

Марина Цвѣтаева. — *Послѣ России. Стихи. 1922-1925. Стр. 153. Сл. изд. въ кн. магаз. Я. Поволоцкого. Парижъ, 1928. Ц. 12 фр.*

Несчастье Марины Цвѣтаевой, что она творитъ въ вѣкъ, когда уже извѣстно (и какъ давно!) книгопечатаніе. Живи она во время «оральной» традиціи, ея безподобный пѣсенный даръ нашелъ бы большее признаніе: только лучшія вещи сохранились бы, а худшія никто не сталъ бы и запоминать. А такъ какъ послѣднихъ у нея подавляющее количество, ибо на грѣхъ Марина Цвѣтаева лишена критическаго отношенія къ себѣ и при томъ необычайно плодовита, то каково читателю отыскивать въ грудѣ ея стихопроизведеній тѣ немногія отличныя вещи (какъ, напр., изумительный пикль «Сивилла»), которыя даютъ цѣну всему сборнику? Понемку тѣмъ болѣе затруднительны, что въ своихъ исканіяхъ поэтъ ставитъ себѣ задачи трудности едва ли преодолимой. Онъ заставляетъ его говорить неправильности («душу, къ корнямъ пригубившую»), архаизмы («свергни, съ онаго сошедъ»), какофонію («размноживаемся»). Кто не отступитъ передъ перлами, въ родѣ «вчувствовывается въ кровь» или «впадаетъ въ пропасть»?!

Отъ самоограниченія автора выиграли бы не только современники, но и будущіе читатели, т. е. на примѣрѣ всхъ поэтовъ, до крупнйшихъ включительно, мы знаемъ, какъ отмирать постепенно и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе, вещи не вовсе совершенныя, и маленькая брошюра безузоризированныхъ стиховъ имѣетъ больше шансовъ жить въ потомствѣ, нежели толстые томы вдохновеній не отшлифованныхъ.

Евг. А. Зноско-Боровскій.

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦІЯ ПО АМЕРИКАНСКИ.

Портреты кандидатовъ въ президенты на синахъ ихъ ярыхъ сторонницъ.

Америка до сихъ поръ не превзойдена по части рекламной выдумки, смѣлости и оригинальности предвыборныхъ агитационныхъ трюковъ. Но одинъ изъ нихъ, изображенный на нашемъ снимкѣ бьетъ, кажется, все даже американскіе рекорды: — какому европейскому политическому дѣятелю пришло бы въ голову помѣстить свои портреты на синахъ хорошенякихъ купальницъ? Впрочемъ почтенные Хуверъ и Спитъ можетъ быть и не знаютъ даже про трюкъ ихъ экстравагантныхъ сторонницъ...

ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО

А. М. Балашова

(Къ ея выступленіямъ въ Ройянь)

А. М. Балашова.

повой школы и даже значительно превзошелъ ее. Объ этомъ не спорятъ теперь и французы.

А. М. Балашова одинъ изъ самыхъ яркихъ образцовъ нашего балета, по мнѣнію однихъ — есьма консервативнаго, а по мнѣнію другихъ — есегда прогрессировавшаго, но съ осторожностью, безъ желанія показывать то новое, что порою бессмысленно и чуждо идеаловъ подлиннаго искусства.

Этюдъ Шопена у Балашовой — это шедевръ стилиности, музыкальности и пластичности. Онъ сразу покорилъ публику. Почти тоже надо сказать о «Капризѣ» Рубинштейна, гдѣ у балерины и ея партнера, конечно, больше требуемаго здѣсь темперамента. И то и другое одинаково поэтично.

Въ области танца національнаго А. М. Балашова показала свою «Русскую». Да это именно ея «Русская», которую никто такъ не пляшетъ и никто не передаетъ въ ней такихъ близкихъ нашему сердцу переживаній. Далѣе слѣдовали цыганская пляска на муз. Брамса и мазурка Венявскаго. А. Долиновъ показалъ очень колоритную испанскую пляску. Норвежскій танецъ на муз. Грига произвелъ фуроръ и былъ повторенъ. Требования повтореній впрочемъ вызвали почти всѣ танцы.

Извѣстн. америк. театральн. антрепренеръ М. Гольдингъ. (Къ его прѣезду въ Парижъ).

Въ норвежскомъ танцѣ Балашова возбуждала смѣхъ зала наивными, лѣнвыми, флегматичными движеніями и лукавствомъ. Очень понравился и А. Долиновъ.

Вечеръ будетъ повторенъ 19-го августа.

А. Плещеевъ.

Если васъ интересуетъ жизнь русскихъ эмигрантовъ, разсѣянныхъ по бѣлу свѣту;

Если вы хотите видѣть, какъ живетъ въ современной Россіи;

Если вамъ пріятно имѣть фотографіи старой Россіи;

ПРИБЕРИТЕ КОМПЛЕКТЪ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССИИ» за 1926 и 1927 г.г. (52 номера въ каждомъ) и за 1924-25 гг. (32 номера).

Тамъ вы найдете набранныя произведенія современной русской литературы и множество интереснйшихъ фотографій.

Цѣна год. компл. съ пересылкой во Франціи — 100 фр., за-границей — 125 фр.

Цѣна комплекта за 1924-25 гг. съ пересылкой: во Франціи 65 фр. и за границ. 80 фр.

Адресуйте требованія въ главную контору журнала: «La Russie Illustrée» 34, rue de Moscou, Paris (8-e).